

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

СЕТЕВЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

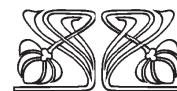
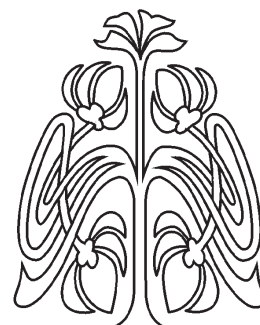
Аникин Даниил Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: dandee@list.ru

В статье анализируется смена моделей изучения социальной памяти в контексте становления сетевого общества. Констатируется необходимость перехода от субстанционального к релятивистскому анализу, в связи с чем выделяются основные методологические характеристики сетевой модели социальной памяти: полилогичность, медиальность, процессуальность и контекстуальность. Использование этих методологических принципов позволяет исследовать память не в качестве определенного набора воспоминаний, а как динамичную совокупность социальных связей и практик, вызывающих эффект обращения к прошлому. При сетевом подходе отдельные образы социальной памяти перестают восприниматься как исторические факты, обладающие объективными характеристиками, а приобретают точки пересечения различных связей. К числу наиболее значительных детерминант, определяющих формирование и трансформацию образов прошлого, стоит отнести когнитивные, политические, этические и праксиологические факторы. Когнитивные факторы — это закономерности формирования знания о прошлом (следование критериям достоверности или вероятности). Политические факторы являются точкой символической борьбы между различными политическими субъектами. Этические и праксиологические аспекты актуализации определенных образов прошлого тесно связаны с коммуникативной рациональностью и потребностью в формировании устойчивых социальных взаимодействий.

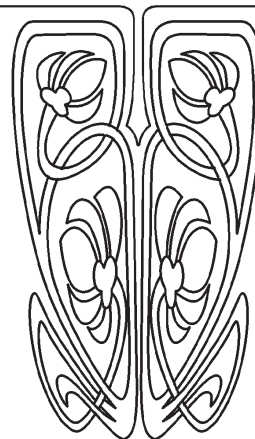
Ключевые слова: социальная память, социальное пространство, сетевое общество, релятивизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-129-134

Современные теоретики общественного развития констатируют вступление социума в новую стадию развития, специфика которой выражается в категории «сетевое общество». Речь идет не только о технологических возможностях формирования «социальных сетей» в интернет-пространстве, но и об изменении самого формата социальных связей. Разумеется, горизонтальные связи между отдельными людьми существовали на всем протяжении человеческой истории, но только в последние десятилетия этот формат социальной организации оказался достаточно жизнеспособен, чтобы осуществлять управление социальными и политическими процессами. Основным следствием становления сетевого общества оказалось нарастание критических явлений в функционировании иерархических сообществ, к которым стоит, в первую очередь, отнести государство, нацию, семью. Речь идет не об исчезновении данных социальных институтов, а о той серьезной угрозе, которой подвергается их существование в сетевом пространстве. Отдельный индивид, по сути, утрачивает свое приватное пространство, приобретая взамен излишнюю публичность и становясь точкой пересечения самых неожиданных идентичностей. Эта особенность объективно затрудняет возможность отслеживания путей распространения информации и той реакции, которую информационные сообщения могут провоцировать.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Несмотря на внешнюю демократичность сетевых коммуникаций, которая позволяла первому исследователю сетевого общества М. Кастельсу противопоставлять основанное на них общество всем предшествующим формам подавления человеческой свободы, они не в меньшей степени дают возможность манипулирования общественным мнением. Можно констатировать, что такая возможность даже возрастает за счет мимикрии любых информационных манипуляций под «освещение правды, скрываемой властью». Поэтому успех провокаций, нацеленных на разжигание межнациональной розни, кроется в самом характере современных социальных связей. Основными характеристиками сетевых коммуникаций являются оперативность и импульсивность, т.е. максимально быстрая возможность передать информацию, замаскировав ее идеологическую направленность и насытив эмоциональным содержанием (типичное начало – «власть скрывает, что...»), что провоцирует предсказуемую реакцию среди пользователей социальных сетей.

Следует указать, что сеть представляет собой горизонтальную структуру, принципиально противоположную по своим характеристикам иерархическим связям, но совместимую с ними в условиях пространственного видения социума. Сетевой характер социальных связей не является изобретением информационной эпохи, а демонстрирует лишь превалирование подобного рода связей в децентрализованном социальном пространстве. Можно сказать, что на предшествующих стадиях социального развития имела место сегментация социального пространства, при которой горизонтальные связи могли иметь место лишь в пределах определенного сегмента. Но размывание социальных границ и ускорение социальных процессов привело к тому, что переход от низшего уровня социальной иерархии к высшему может быть не только прямым, но и косвенным, опосредованным определенным количеством горизонтальных цепочек взаимодействия.

Д. Урри, отталкиваясь от акторно-сетевой теории, указывает на невозможность сохранения субстанциальных и статичных моделей социальной реальности, поскольку ключевым социальным понятием становится понятие «мобильности» [1, с. 160]. Социальные связи в современном мире утрачивают свою стабильность и предсказуемость, что не позволяет больше говорить о статичных сообществах, а заставляет анализировать процессы непрерывного изменения. Но подобные методологические изменения заставляют отказаться от нескольких

презумпций, доминировавших в социальных науках, прежде всего от презумпции человеческого измерения общества. Это вовсе не означает, что необходимо изучать мир вне человека или без учета его присутствия, а указывает на то, что мир человека невозможен без материальных контекстов, в которых разворачивается его деятельность.

По слова самого Д. Урри, «мобильный поворот – часть критики подобного гуманизма, который постулирует бесплотное “*cogito*” и особенно то, что люди способны думать и действовать каким-то образом независимо от своих материальных миров» [1, с. 131]. Вещи (и в этом тоже сказывается влияние акторно-сетевой методологии) не могут игнорироваться при изучении социальных процессов, поскольку их характеристики во многом определяют саму возможность интересубъективного взаимодействия и условия ее осуществления. Например, процедуры выбора материалов и строительных технологий не только реагируют на вызовы глобализации и уплотнения населения, но и сами создают перечень ситуаций социального взаимодействия, подобно тому, как появление кухни в «хрущевках» обусловило возможность появления пространства локального взаимодействия, ставшего важным элементом культурной «оттепели». В этом смысле материальный контекст социальных явлений не может не учитываться, особенно если предметом рассмотрения становятся не стабильные состояния социальной системы, а процессы ее постоянной трансформации.

Мобильности не просто становятся ключевой характеристикой социальной реальности, но и могут быть упорядочены в соответствии с определенной типологией. К основным типам мобильностей можно отнести следующие:

1) телесные перемещения людей в пространстве, обусловленные их рабочими или досуговыми целями, по-разному соотносимые с временными циклами (например, стабильные ежедневные поездки на работу либо краткосрочная командировка, которая нарушает установленный график);

2) перемещения вещей и предметов в пространстве (перевоз грузов, рассылка поздравительных открыток и т.д.);

3) виртуальные перемещения, осуществляемые посредством телевизионных коммуникаций и Интернета (научно-популярные или художественные фильмы, просмотр новостей из других регионов или стран и т.д.);

4) коммуникационные перемещения (взаимодействия с другим людьми посредством SMS, сотовой связи, интернет-чатов).

Указанные процессы фиксируют нестабильность положения человека в той совокупности социальных процессов, в которые он включен, а в более широком методологическом смысле заставляют переориентировать внимание с субъектов на связи, переформулируя главную исследовательскую задачу социальных наук с поиска субстанциальных оснований социального на выработку методик описания тотального изменения. Трансформации оптической настройки в социальных науках, переключающие внимание исследователя с поиска субстанциальных оснований социального (когда фокус сосредоточивается на предметах, потому что связи между ними в краткосрочном периоде могут рассматриваться как неизменные, а потому не нуждающиеся в особой рефлексии) на стремление зафиксировать принципиальную нестабильность и текучесть социальных процессов, отражаются и на изучении социальной памяти.

Социальная память изначально исследовалась М. Хальбваксом как определенный набор воспоминаний, воссоздаваемый посредством набора социальных рамок и служащий для их поддержания. Подобный подход во многом был обусловлен презумпцией позитивистского стремления к достоверности и практической применимости знаний, в силу чего памяти отводилась роль недостоверного свидетеля, нуждающегося не столько в проверке, сколько в уличении и выведении «на чистую воду». Субстанциальное понимание памяти выражалось в признании за ней определенного «места» в социальной реальности, занимаемого набором воспоминаний и нуждающегося в точном определении со стороны социальных наук.

Необходимость применения сетевой методологии в изучении социальной памяти обусловлена усложнением социальной среды, в которой осуществляется символическая политика, неизменно обращающаяся к образам прошлого как к наиболее эффективному и действенному ресурсу социальной консолидации и политической легитимации.

С точки зрения сетевого подхода, развивающего постулаты релятивистской методологии, социальная память представляет собой совокупность социальных, культурных и политических практик, ориентированных на поддержание символических связей между современным состоянием общества и образами прошлого. Подобное понимание, предлагаемое Д. Оликом, позволяет избежать в истолковании социальной памяти тех черт, которые придавали этому явление субстанциальное измерение. К таким чертам, свойственным предшествующим теориям соци-

альной памяти, можно отнести: 1) монологичность – подчеркивание единства воспоминаний в качестве основания коллективной идентичности; 2) миметичность – сосредоточение на сохранении и преемственности определенного содержания памяти; 3) статичность – изучение отдельных «мест памяти» или всей совокупности присущих обществу воспоминаний как определенной целостности; 4) автономность – стремление зафиксировать социальную память как сегмент реальности, обладающий особыми бытийственными характеристиками.

В противовес им сетевая модель социальной памяти выдвигает принципиально иные постулаты: полилогичность, медиальность, процессуальность и контекстуальность [2, р. 85–86].

Суть полилогичности заключается в признании «многоголосия» воспоминаний, отсутствии четких границ между памятью коллективной и индивидуальной. По сути, даже доминирование определенного типа социальной памяти стоит рассматривать как гласный или негласный консенсус между конкретными носителями воспоминаний, причем данный консенсус достигается за счет обоюдных уступок. Не только индивиды усваивают тот тип социальной памяти, который транслируется посредством образовательных и мемориальных практик, но и сами практики вынуждены приспосабливаться к ожиданиям индивидов, соответствовать их нерелексированным представлениям.

Медиальность определяет смещение внимания с содержания социальной памяти на формы ее репрезентации, поскольку выбор используемых средств необходимым образом корректирует и ту совокупность значений, которая может быть придана отдельным воспоминаниям. В частности, визуализация определенных образов прошлого должна опираться не только на принцип исторической достоверности, но и на принцип зрелищности, без которого достижение эффекта исторической реальности окажется невозможным. Изменение же способов формирования и распространения образов прошлого может привести к смене акцентов в понимании того или иного события. Например, парад в качестве коммеморативной практики может быть использован при репрезентации самых различных событий, допуская даже возможность смены означаемого и означаемого и выведение на первый план не исходного события, а одной из его репрезентаций [3, с. 139–142].

Процессуальность подразумевает отказ от изучения памяти как набора определенных воспоминаний, определяющих сохранение коллективной идентичности. Принцип сетевой

идентичности предполагает тождество различных состояний системы за счет сохранения определенного набора значимых связей. При этом сохранение полного набора связей является не обязательным, что приводит к любопытному феномену: через какой-то промежуток времени система может стать полной противоположностью первоначального состояния, но при этом подобный переход не будет отрефлексирован сторонним наблюдателем. Иначе говоря, исторические образы могут пополнять запас индивидуальных воспоминаний лишь при условии «эффекта узнавания», когда индивид будет воспринимать их как логическое продолжение тех воспоминаний, которыми он уже обладает.

Контекстуальность призывает к отказу от выделения социальной памяти в качестве особого социального феномена, обладающего субстанциальными основаниями. Она позволяет рассматривать набор конкретных исторических образов как результат сочленения различных структурных профилей, лишь в совокупности определяющих итоговый результат интенционального акта, обращенного к прошлому. Восприятие социальной памяти в сетевом ракурсе позволяет рассматривать конкретный образ как определенную точку, образуемую нелинейным сочетанием различных связей – не только политических, но и эстетических, праксиологических, когнитивных и даже этических. Иначе говоря, включение того или иного образа прошлого в динамичную картину слабо рефлексированных коллективных исторических представлений напрямую связано с соответствием нескольким предъявляемым требованиям. Они могут быть раскрыты в перечне тех детерминирующих связей, которые определяют способ порождения новых образов прошлого или трансформацию уже имеющихся, помещению их в новый контекст. К их числу можно отнести когнитивные, политические, этические и праксиологические детерминанты социальной памяти.

1. *Когнитивная детерминанта* социальной памяти. Определенная степень вероятности того исторического события, которое включается в структуру исторических представлений, т.е. удовлетворение минимальных верификационных требований (хотя бы на уровне здравого смысла). Несмотря на кризис научного знания в качестве обязательного условия истинности, определенная логичность и апелляция к доказательности (пусть и своеобразно понимаемой в случае таких конструкций исторического процесса, как «теория заговора») остается неотъемлемым атрибутом социальной памяти. В этом смысле любопытно наблюдать, как в качестве

подтверждающего источника могут выступать сведения из телевизионных программ или из пабликов в социальных сетях.

2. *Политическая детерминанта* социальной памяти. Разумеется, как правильно отмечает А. Ассман, нельзя свести все многообразие форм обращения к прошлому исключительно к политике памяти [4, с. 34]. Вместе с тем любой исторический образ потенциально может выступить в качестве материала для выстраивания определенной символической политики, поэтому принципиально противопоставлять политическую и культурную память все-таки не стоит. Скорее, можно говорить о различной степени актуализации политических аспектов прошлого, которая обусловлена децентрализацией политического пространства и сочетанием различных субъектов символической политики. Наряду с государственной политикой памяти, распространяемой посредством образовательных практик, медиарепрезентаций и официальных коммеморативных церемоний, можно говорить о символической конкуренции между другими социальными институтами (религиозными конфессиями, политическими партиями) и слабо формализованными сообществами (аудиторией тех или иных сетевых пабликов, каналов на Youtube). Именно в контексте взаимодействия или противостояния этих сообществ можно рассматривать актуализацию определенных исторических образов либо придание им изначально не свойственных коннотаций (например, в случае Дня народного единства).

3. *Этическая детерминанта* социальной памяти. Еще древние римляне считали, что история – это учитель жизни, и это высказывание актуально до сих пор. Возникновение и развитие дискурсивной этики, предлагаемой Ю. Хабермасом, поставило в центр дискуссий проблему этической обусловленности совершаемых действий и дискурсивных практик. Дискурс памяти также должен быть основан на определенной этической презумпции, иначе говоря, конфигурация образов прошлого, складывающаяся в современном обществе, должна преодолевать узость политических интерпретаций, формируя основания для достижения консенсуса между различными сообществами. Этика в такой трактовке сводится к своей коммуникативной составляющей, т.е. этично то, что способствует налаживанию взаимодействия и налаживанию устойчивых социальных связей. А. Ассман отмечает, что именно этическая подоплека проработки прошлого, проблематизируемая еще Т. Адорно в середине XX в., стала основанием для расширения социальной роли

коллективных воспоминаний в преодолении посттоталитарных форм сознания [4, с. 55].

4. *Праксиологическая детерминанта* социальной памяти. Поскольку воспоминания нуждаются в репрезентации, то успех той или иной конфигурации образов прошлого оказывается во многом обусловлен и продуманностью коммеморативных практик, их включенностью в устойчивый распорядок повторяющихся социальных действий. Практики, актуализирующие воспоминания, должны вписываться в уже имеющийся контекст, трансформируя ставшие привычными формы поведения или придавая им новые значения. Например, можно вспомнить удачное символическое перекодирование крестного хода в первомайскую демонстрацию в ходе постреволюционных событий 1917 г., сопровождавшееся, по сути, сменой лозунгов и отдельных символических элементов, но предполагавшее логическую преемственность с точки зрения привычных форм поведения.

Можно констатировать, что сетевая парадигма социальной памяти позволяет избежать двух методологических допущений, одинаково опасных при изучении общественных феноменов. Во-первых, она выступает логическим следствием конструктивистского поворота в гуманитарных науках, отвергнувшего примордиализм в анализе социальных общностей. Прошлое перестало быть точным отображением реально имевших место событий, а стало восприниматься как социокультурная репрезентация, закономерности возникновения и функционирования которой не могут быть сведены исключительно к когнитивным принципам. Поэтому единицей анализа социальной памяти не может выступать отдельное событие (или даже «место памяти» – в постструктуралистском анализе П. Нора), ведь любой исторический факт может быть проанализирован исключительно как определенный конструкт.

Во-вторых, сетевая парадигма уберегает исследователей от прямо противоположной опасности – сведения всего комплекса связей между настоящим и прошлым к плоской модели, обусловленной игрой политических и культурных

акторов. Такой радикальный конструктивизм, называемый Ф. Артогом «презентизмом», рассматривает совокупность образов прошлого как своеобразную «языковую игру», которая может быть проанализирована в контексте расстановки определенных политических сил. Но такая постановка вопроса не позволяет осветить вопрос закономерности формирования тех или иных образов прошлого, их преемственности по отношению друг к другу, а также степени взаимовлияния различных традиций отношения к прошлому и форм репрезентации.

В фокусе сетевой методологии оказывается анализ функционирования образов прошлого в мобильном и децентрализованном социальном пространстве, подразумевающим оперативную смену исторических объяснительных моделей и сопутствующего им мифологического инструментария. Формирование и дальнейшая разработка данной модели делают возможной научную рефлексию по поводу дальнейшей трансформации существующих конфигураций памяти в условиях постнациональных вызовов и цивилизационных рисков.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-2596.2017.6), проект «Политика памяти в сетевом обществе: символические ресурсы и социальные риски» и РГНФ в рамках проекта «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности» (грант № 15-33-01003).

Список литературы

1. Урри Д. Мобильности. М., 2012. 576 с.
2. Olick J. K. Figurations of memory : a process-relational methodology illustrated on the German case // Olick J. K. The politics of regret : on collective memory and historical responsibility. N.Y., 2007. P. 85–118.
3. Аникин Д. А. Символическая борьба с советским прошлым : парад в контексте политики памяти // Власть. 2014. № 2. С. 139–142.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого. М., 2014. 328 с.

Образец для цитирования:

Аникин Д. А. Сетевые основания социальной памяти // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 129–134. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-129-134.

Network Bases of Social Memory

D. A. Anikin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: dandee@list.ru

In article change of models of studying of social memory in the context of formation of network society is analyzed. The author states need of transition from substantive to relativistic the analysis in this connection selects the main methodological characteristics of network model of social memory: polylog, media, process and context. Use of these methodological principles allows to investigate

memory not as a certain set of memories and as dynamic set of the social communications and the practice causing effect of the appeal to the past. At network approach separate images of social memory cease to be perceived as the historic facts possessing objective characteristics, and get points of intersection of various communications. It is worth carrying cognitive, political, ethical and practical factors to number of the most considerable determinants defining formation and transformation of images of the past. Cognitive factors are regularities of formation of knowledge of the past (following to criteria of reliability or probability). Political factors act, in turn, as a point of symbolical fight between various political subjects. Ethical and practical aspects of updating of certain images of the past are closely connected with communicative rationality and the need for formation of steady social interactions.

Key words: social memory, social space, network society, relativity.

Acknowledgements: *Article is prepared with assistance of grant of the Russian President of MK-2596.2017.6 «The politician of memory in network society: symbolical resources and social risks» and*

grant RFN no. 15-33-01003 «The conceptual bases of policy of memory and prospect of pos-national identity».

References

1. Urry J. *Mobilnosti* (Mobility). Moscow, 2012. 576 p. (in Russian).
2. Olick J. K. Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. Olick J. K. *The politics of regret: on collective memory and historical responsibility*. New York, 2007, pp. 85–118.
3. Anikin D. A. Simvolicheskaja borba s sovetskim proshlym: parad v kontekste politiki pamyati (Symbolical struggle against the Soviet past: parade in a context of a policy of memory). *Vlast'* (Power), 2014, no. 2, pp. 139–142 (in Russian).
4. Assman A. *Dlinnaya ten proshlogo: istoricheskaya kultura i memorial'naya politika* (Long shadow of the past: historical culture and memorial policy). Moscow, 2014. 328 p. (in Russian).

Cite this article as:

Anikin D. A. Network Bases of Social Memory. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 129–134. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-129-134.
